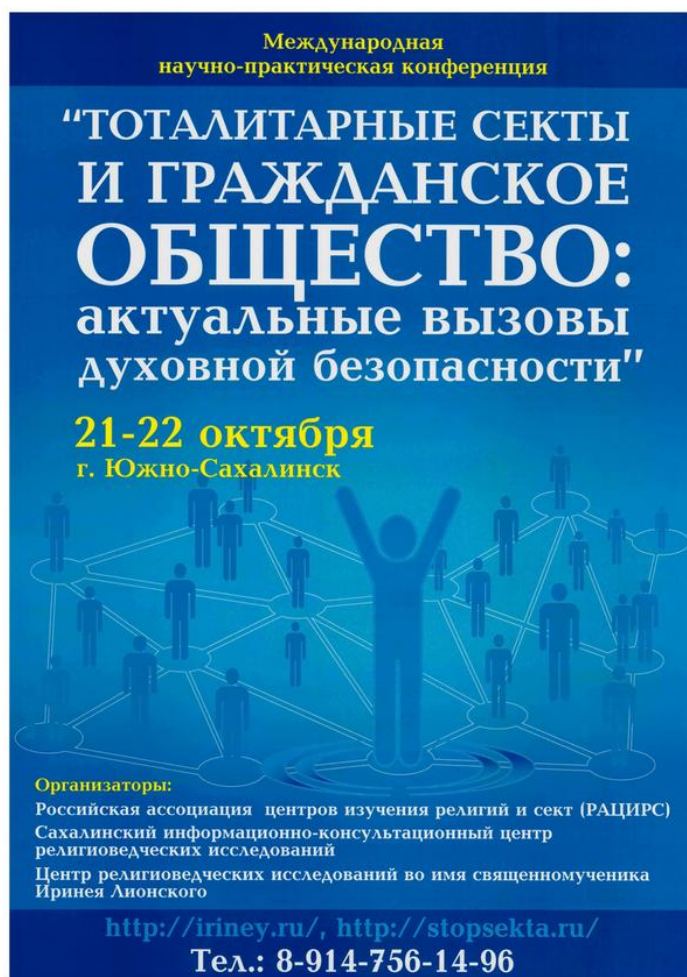

Товбин Кирилл Михайлович,
к. филос. н., религиовед,
член Российского философского общества,
доцент ЮСИ РЭУ им. Г.В. Плеханова

Потому что Государство! или **Сторонний взгляд на конференцию о сектах и гражданском обществе**

21-22 октября 2014 года в Южно-Сахалинске проходило мероприятие под названием «**Международная научно-практическая конференция "Тоталитарные секты и гражданское общество: актуальные вызовы духовной безопасности"**». В числе организаторов значатся «Российская ассоциация центров исследования религий и сект» (РАЦИРС), «Сахалинский информационно-консультационный центр религиоведческих исследований» и «Центр религиоведческих исследований во имя священномученика Иринея Лионского».

Местом проведения была одна из самых престижных форумных площадок города – конгресс-холл «Столица». Детальная информация о конкретном времени и задействованных аудиториях распространялась кулуарно, так как единственный контакт, указанный на брошюре, – номер мобильного телефона протоиерея Виктора Горбача, руководителя Молодёжного отдела Южно-Сахалинской и Курильской епархии РПЦ МП. Его имя ни разу не обозначено в программе конференции, хотя он был фактическим ведущим конференции.

Итак, мероприятию были заданы официальный формат и торжественное звучание. Помимо места проведения, с приветственными выступлениями к гостям и участникам должны были обратиться министр РФ по развитию Дальнего Востока, губернатор Сахалинской области, председатель Сахалинской областной Думы и мэр Южно-Сахалинска. Примечательно, что названные персоны на конференции не присутствовали и не предоставили своих письменных приветствий. Вместо них выступали не обозначенные в программе заместители; отсутствие министра по Дальнему Востоку не было компенсировано никем. Единственной начальственной фигурой был епископ Южно-Сахалинский и Курильский *Тихон*, открывший конференцию.

Тем не менее, авторитетные имена сразу же придали конференции характер события государственного и государственнического. Смещение формата от академического к политическому также подтверждалось регламентом конференции. Выступавшие (за исключением последнего, А.Л. Дворкина) не предлагали обращаться к ним с вопросами, отсутствовали и технические возможности для этого. Таким образом, данный форум имел в большей степени характер лектория.

Теперь о смысловом наполнении конференции – оно кажется более впечатляющим, нежели её форма. Прежде всего, по заявлению *Александра Леонидовича Дворкина*, ныне являющегося председателем Экспертного совета по религиоведческой экспертизе при Минюсте РФ, конференции такого рода и формата являются регулярными, последняя состоялась 10 лет назад. Важнейшей деталью в программировании такой конференции является соучастие органов региональной и муниципальной власти с руководством местных епархий РПЦ МП – Дворкин назвал этот формат *симфонией* и высказал надежды на плодотворность такого сотрудничества.

В целом, выступления имели светскую форму, обращались к юридической, политической, психологической, исторической и даже медицинской сторонам сектантства. Своеобразным интеллектуальным и духовным центром стало выступление епископа *Христофора Карнасийского* (Кипрская Православная Церковь), посвящённое духовной стороне сектантства. Эта тема была особо важной, поскольку «прокурорский» формат самородного религиоведения, заданный в церковных кругах (а теперь – и не только) А.Л. Дворкиным, меня как исследователя-религиоведа не удовлетворял. Обнаружение «грязного белья» в деятельности т.н. «деструктивных» и «тоталитарных» сект является субъективистским, а «10 признаков тоталитарной секты», распространяемые Дворкиным, являются любимым развлечением православных семинаристов, прилагающих эти «молоты ведьм» к собственным церковным реалиям.

Важным был вопрос духовной травматичности сект как лжеучения – а именно в таком ключе они рассматривались Св.Отцами, сформировавшими Св.Предание Церкви. Вместо юридического формата еп. Христофор поднял именно тему чистоты учения и верности истокам христианства. Однако, он не рассматривал генезис или сущность тех или иных лжеучений. Епископ Христофор рассуждал о травматичности новшеств, вносимых ересиархами в изначальное учение Церкви. Общий смысл был таков: по мере приближения к современности, ереси имеют всё более материалистический характер, лишают христианство его трансцендентности и сводят его к чисто идеологическому или релаксационному формату. Однако стройность этой греческо-православной философии, имеющей давние традиции влияния на самобытность уклада Русской Церкви, была внезапно прервана точно так же, как в прениях XVII века, послуживших причиной разделения Русской Церкви на старообрядчество и огосударствлённое новообрядчество. В какой-то момент своей речи еп. Христофор, рассуждавший о душепагубности сект, вдруг произнёс, нарушая законы греческого красноречия: «Поэтому государство – *только государство!* – должно заботиться о том, чтобы секты не имели свободы в обращении христиан с истинного пути». (Подчеркну: под «государством» - что стало всеобщим симптомом – понимает не российская нация, а конкретный *госаппарат*.) Эти слова в тот же момент заставили вспомнить и о марксистской критике Церкви как

государственного учреждения, и о высказываниях современных «неоатеистов» (Докинз, Хитченс и др.), объяснявших церковную стройность и преемственность исключительно вмешательством государства в вопросы цельности своего идеологического и контрольного ведомства.

По мнению кипрского архиерея, именно секты заставляют людей быть материалистами – «любить материальное». Если следовать общей логике этой традициеобразной философии, то верующие люди не должны «прилагаться умом к терновым житейским печалем» и обратить свой взор исключительно в трансцендентные сферы. Сфера материальная при таком подходе отдаётся в безраздельное и бесконтрольное ведение государства. Возможно, рассуждения владыки Христофора были вызваны печалью за социалистическую революцию, фактически нарастающую в современной Греции и имеющую своей целью как раз много лет игнорируемые материальные ориентиры. Так или иначе, это весьма похоже на т.н. «византизм», при котором «холопы царёвы» всю свою энергию должны тратить в метафизических областях, не мешая высшим архонтам извлекать из территории и народонаселения наибольшую прибыль.

Итак, владыка Христофор озвучил главное – хотя и не последовательно – *государство должно заботиться об отсутствии сект в себе во имя собственной цельности*. Эти слова – в духе Дворкиным обозначенной «симфонии» – выглядят привлекающим жестом со стороны Церкви в сторону государства. Кроме того, эти слова стали своеобразной смысловой осью, вокруг которой вращались все остальные выступления.

К примеру, руководитель Юридического комитета защиты прав и достоинства личности при РАЦИРС **А.А. Корелов** прямо заявил, что целью не только данной конференции, но и всей современной православной интеллектуальной деятельности должна стать нагруженность терминов «*секта*» и «*тоталитарная секта*» юридическим наполнением. Т.е. ввести означенные термины в современное российское законодательство и судопроизводство (особо разбирать случаи уголовных преступлений, совершённых сектантами). Эта позиция была высказана ещё в приветственном слове заместителя Полпреда РФ в Дальневосточном ФО. В несколько изменённом виде это предложение вошло в резолюцию конференции.

Наиболее академичным с религиозоведческой точки зрения было выступление **Чао Хуана**, доцента Школы философии Уханьского университета (КНР). Китайский религиовед выступил на грани психологии и светского религиоведения, выделяя три модели «реабилитации пострадавших от деятельности деструктивных сект»:

- 1) активное вмешательство, переворачивающее принципы сектантов и использующее их методику (напр., НЛП или «семья вместо секты»);
- 2) «философское консультирование» с нейтральной стороны, помогающее сектозависимому сконструировать собственное, полноценное мировоззрение;
- 3) направляющее вмешательство, не ущемляющее личной свободы, но помогающее обрести цельность личности – по выражению Чао Хуана, «философское здоровье».

Разумеется, определением «правильного», противопоставляемого сектантским принципам, занимается специально подготовленная общественность под бдительным руководством Коммунистической партии Китая. Эта ситуация сегодня может быть в какой-то мере отображением политических процессов и в нашей стране. Возможно, это и стало причиной приглашения китайского религиоведа на конференцию, посвящённую вопросам сект в «гражданском обществе России». Как известно, КНР имеет свою версию таких западных понятий, как «демократия», «гражданское общество», «многопартийность» и пр. Творческая адаптация этих понятий к современной китайской политической и социальной действительности может послужить примером для аналогичной идеологической деятельности в России.

Известный болгарский религиовед проф. **Иван Желев Димитров** (Богословский факультет Софийского университета) поделился сведениями о квазиправославных лжеучениях – в частности, о деятельности «пророчицы» Ванги Димировой. В его выступлении особо примечательным был тезис о «демонической духовности», что можно считать иллюстрацией гальванизации средневекового дуализма, делящего мир на «наше» («истинное») и «чуждое» («ложное») – в массовой культуре сегодня представлено волной фильмов и книг, посвящённых бесовской одержимости и экзорцизму. Исходя из такой логики, проф. Димитров видит лжеучения причиной «социального хаоса» и, как и еп. Христофор, призывает государство дать отпор этому процессу. Все версии духовности, не исходящие от государственной Церкви, являются априорно демоническими и разрушительными.

В некотором диссонансе с прежними докладами было выступление д.и.н. **Романа Анатольевича Силантьева**, зам. председателя Экспертного совета по религиоведческой экспертизе при Минюсте РФ, известного специалиста по исламу. Его доклад был посвящён способам вербовки славян в исламистские организации и, кроме смещения дискурса, был примечателен и обозначением основных ситуаций, способствующих исламизации населения. Обращает на себя внимание также использование Силантьевым термина «исламист» в противовес «традиционному исламу». Под «исламизмом» понимается ислам новаторский, ваххабистского извода, который Силантьевым всегда противопоставляется «нормальному», государственническому (точнее, внутригосударственному) исламу.

Заслуживало внимания и выступление к.филос.н. **А.А. Воата**, преподавателя кафедры теологии ПСТГУ «Современные технологии сети Интернет как активные инструменты для вербовки в деструктивные культы». Был перечислен и представлен целый ряд технологических и методических возможностей для преподнесения вероучения в «игровом» формате соцсетей. Такие неотъемлемые элементы турбокапитализма, как реклама и формирование искусственных потребностей, имеют место и в религиозной области, что было хорошо проиллюстрировано госп. Воатом.

Своеобразной релаксационной отдушиной стало продолжительное выступление **Джеральда Армстронга**, бывшего личного архивиста главы Церкви сайентологии Л.Р. Хаббарда «Уважаемый президент Путин! – от канадца». В этом обращении, имевшем характер покаянного письма, Дж. Армстронг сетовал на свои злоключения, связанные с его выходом из сообщества сайентологов, уподоблял себя Э. Сноудену и просил прямого вмешательства президента в обстоятельства своей жизненной драмы. Это выступление серьёзно выходило за рамки заявленного академического формата конференции, но в целом шло вполне в ключе именуемой Дворкиным «симфонии» - как иллюстрация демонологической иконографии «сектантов».

Прочие доклады имели достаточно клерикальный характер – были посвящены разным сторонам реабилитации «пострадавших от деятельности тоталитарных сект». Здесь использовались экскурсии в медицину и психологию (доклады д.мед.н. **М.А. Ерёмушкина** и **Д.И. Индинка**) либо раскрывался опыт собственной «пастырской» (*прот. Г. Иоффе*) или «приходской» (**О.В. Заев**) реабилитации. Выступление О.В. Заева, руководителя информационно-консультационного центра по вопросам сектантства при соборе св. Александра Невского (Новосибирск), обогатило расцветающее сектоведение рядом неологизмов. Так, он рассуждал о «ласкательной роли» РПЦ МП в «превращении твёрдой пиццы Писания в молоко для верующих» (чего лишены сектанты-протестанты), характеризовал сознание сектанта как «расщёлкнутое», придавая сектантству весьма популярный в современной конспирологии психоманипулятивный окрас.

Примерно в этом же ключе, однако более взвешенно и аргументировано, было выступление А.Л. Дворкина «Неопятидесятнические секты и их опасность». В этом докладе, опираясь на обширные сведения из жизни сектантов и используя множество анекдотичных историй и бразных характеристик, Дворкин утверждал как

жизнеспособность введённых им религиозных неологизмов «неопятидесятничество» и «тоталитарная секта», так и однозначную деструктивность воздействия учения и духовной практики сект на психику их адептов. Безусловно, рисуемая Дворкиным картина сектантства занимает почётное место в демонической иконографии неопротестантских и неорелигиозных движений. Однако, при выходе за пределы российского сектоведческого дискурса, при обращении к истории иных стран, в которых секты имеют большое культурное влияние (напр., мормоны и сайентологи в США, кришнаиты в Индии), можно иметь претензии к объективности дворкинской картины.

В целом, Дворкин, используя широчайшую эрудицию в своей теме «тоталитарного сектантства», также склонялся к государственному контролю и регулированию духовного состояния страны как к единственной возможности противостояния «разрушительному воздействию сект». Исходя из логики Дворкина, секты являются не просто агентами влияния иностранных спецслужб и проводниками чуждых культур, но и полноценными и весьма сильными противниками как России как государства и как цивилизации.

Таким образом, «*новая синодализация*», обозначенная современным российским религиоведом и юристом д.филос.н., проф. М.О. Шаховым, с каждым годом претендует на реализацию. Однако, в те времена, когда Святейший Правительствующий Синод официально являлся контролирующим и идеологическим ведомством в Российской Империи, не было двух реалий современности, делающей «*синодализацию*» радикальным новаторством. Во-первых, это окончательный секулярный отрыв российской нации от православной традиции (на онтологическом уровне). Во-вторых, это могущество СМИ, могущих вместо традиционной духовности (не способной восстановиться после прерывания – даже если предположить официальную Церковь преемственной от Древнерусской Церкви, создавшей русскую ментальность) создать вереницу правдоподобных симуляций, несколько не возрождающих состояние ума, свойственное для традиционной духовности.

Сознавая опасность для себя открытого православного модернизма, олицетворяемого такими персонами, как прот. А. Мень, прот. Г. Чистяков, прот. Г. Кочетков, прот. А. Борисов и пр., современные православные фундаменталисты прибегают в условиях торжествующего в России секуляризма к единственному рычагу, который может быть заинтересован в умеренной традиционности – к государству. Постоянно апеллируя к примерам и идеям «симфонии», «византизма», даже «теократии» (в лице сторонников прославления патр. Никона), неоправославные фундаменталисты стараются доказать:

- свою преемственность от древнерусской и византийской (= римской) церковности,
- тождество современной светской государственности (замешанной на либерально-демократической эгалитарной идеологии и капиталистических отношениях) с идеями и реалиями священной монархии,
- адекватность имперской центростремительной политической модели современным социальным реалиям,
- наличие и самодостаточность т.н. «русской цивилизации» и несводимость её к узко определённой месту в глобальной турбоколониальной и информационной системе.

Разумеется, такая государственная модель может быть построена только при отсутствии альтернативных версий духовности, отрицающих или просто игнорирующих такие реалии, как Традиция, государственность, русская культура и пр. Однако популярные ультрамодернистские духовные движения возникли не в результате разведятельности госаппаратов, враждебных российскому госаппарату, а по причине серьёзных социально-экономических сдвигов, породивших потребность масс в т.н. «тоталитарных сектах». Разумеется, единственной плодотворной возможностью для

искоренения сектантской духовности может быть только выход из олигархо-капиталистических и медиакратических реалий «общества потребления» - соответственно, даже сам разговор на эту тему может быть не более чем фантазией. Поэтому, как и во всякой ситуации, когда нет возможности и желания на реальное оздоровление духовного климата, начинается «охота на ведьм».

Этот процесс во внешне демократической политике немыслим без юридической подоплёки – поэтому у упомянутых выше кругов есть настоятельная потребность в обозначении образа врага и его иллегитимизации. Поэтому т.н. «сектоведение» усердно игнорирует и прямо отвергает понятие, более адекватное для прояснения качества духовной ситуации – «новые религиозные движения» (НРД). Мало используется и близкое по содержанию понятие – «деструктивный культ», поскольку это понятие менее редукционно, чем «секта». «Деструктивный культ» имеет прямую связь между особенностями идеологии и асоциальным поведением его adeptов. Термин «секта» более примитивен – его можно свести к определённой модели поведения и, если таковая модель не огосударствлена, её можно преследовать даже на уголовном уровне. И отнести к ней можно инакомыслящих, относящихся либо к альтернативным моделям православной духовности (старообрядцев, катакомбников, «валентиновцев», «зарубежников»), либо к формально «верным чадам Святой Православной Церкви», отклоняющимся от определённого свыше курса («диомидовцам», «меневцам», «евразийцам», обновленцам). Указать на «душепагубность» вероучения РПАЦ, в целом почти идентичного учению РПЦ МП, весьма затруднительно – проще провести прокурорское расследование на предмет наличия признаков «сектантства» у adeptов.

По этой причине включение в юриспруденцию понятия «секта» стало бы ключевым моментом:

- 1) в укреплении центростремительной неоимперской идеологии и политической практики,
- 2) в сотрудничестве госаппарата с Церковью,
- 3) в «очищении рядов» РПЦ МП, избавлении (в перспективе – и физическом) от критиканов изнутри, «справа» и «слева».

Исходя из этого, использование в теме конференции штампа «гражданское общество» (выделено наибольшим шрифтом на всех афишах) имеет, кроме реверанса перед Европой (с которой у нас, по заявлению президента, «общие ценности») ещё и дополнительное измерение – кентаврическое. В нём соединяется несоединимое, однако, в отличие от сугубо мифологического кентавра, современный семиотический мутант вполне живуч в виртуальном пространстве, успешно заменившем бытийственную нищету современного россиянина. Я обобщаю это явление понятием «*пострелигия*» - к нему относятся и упомянутые секты, но в меньшей степени. В большей степени пострелигия – это имитация традиционной духовности, использующая образы и символы современных религий, претендующих на традиционность. Вместо действительного обращения к Священной Традиции, дающей истинную полноту бытия, пострелигия форматирует виртуальный мирок, никак не изменяя социального и экономического устройства, но придавая ему окраску самобытности (т.н. «глокализация»). Это является неотъемлемой деталью эффективного управления при политэкономической глобализации.

И начинается этот процесс, как и все широкие манипулятивные процессы в истории, непременно с «охоты на ведьм».

1.11.2014,
Южно-Сахалинск